

А.В. Смоляк*

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ
В РАБОТЕ «АНТИ-ЭДИП» Ж. ДЕЛЕЗА И Ф. ГВАТТАРИ

В статье рассматривается специфика осмысления феномена свободы Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в книге «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения». Автор фокусирует внимание на критике философских, психологических, политических и социальных феноменов, ограничивающих, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, свободу индивида, а также описывает и анализирует программу этического и эпистемологического освобождения индивида, предложенную в книге, и ее ключевые концепты (тело-без-органов, желающие машины, желающее производство, паранойальное, шизофреническое).

Ключевые слова: философия постмодерна, свобода, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Анти-Эдип, тело-без-органов, шизофрения

The phenomenon of freedom in Deleuze and Guattari's «Anti-Oedipus».
ALEKSEY V. SMOLYAK (Far Eastern Federal University)

The article examines the specifics of understanding the phenomenon of freedom by Gilles Deleuze and Felix Guattari in their book «Anti-Oedipus. Capitalism and schizophrenia». The author focuses on the criticism of philosophical, psychological, political and social phenomena, which, according to Deleuze and Guattari, restrict the freedom of the individual. The author describes and analyzes the program of ethical and epistemological liberation of the individual presented in the book, as well as its key concepts such as body-without-organs, desiring-production, paranoid, schizophrenic.

Keywords: postmodern philosophy, freedom, G. Deleuze, F. Guattari, Anti-Oedipus, body-without-organs, schizophrenia

Постструктурализм, пусть и провозглашая этическую и эпистемологическую свободу своим идеалом, порой весьма скептически настроен к возможности достижения свободы. Например, у Мишеля Фуко субъект сконструирован дискурсами, а значит все ценностные установки ему навязаны, а свобода выбора – иллюзия, скрывающая преддетерминацию. Если верить Жану Бодрийяру, то человек живет в гиперреальности, а это подразумевает, что его свобода также есть симуляция. В то же время Жиль Де-

лез и Феликс Гваттари в работе «Анти-Эдип» 1972 г., напротив, создают, как представляется, целую этическую систему, мотивированную идеей тотального освобождения.

Для дальнейшего повествования необходимо остановиться на нескольких важных для нас тенденциях философии Делеза и Гваттари, а именно: децентрализации, десубъективации и критике традиционной структуры знака. Центр и субъект представляются философам репрессивными инстанциями: первый навязывает

* СМОЛЯК Алексей Владимирович, аспирант Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: smolyak_av@dvfu.ru

© Смоляк А.В., 2022

структуре гипостазированные смыслы, второй ограничивает познавательную деятельность. Что касается традиционной структуры знака, то она обеспечивает привязку означающих к означаемым, делая невозможным свободный поток смыслов. Таким образом, избавление от центра и субъекта, как и демонстрация мнимости зависимости означающего от означаемого, являются начинаниями, которые также, несомненно, обусловлены установкой на освобождение человека.

Итак, переходя к работе «Анти-Эдип» и дихотомии свободы-подчинения, играющей в ней существенную роль, важно сказать, что в отношении своей формы и в отношении того, как авторы выстраивают аргументацию, эта книга представляется попыткой разрыва с закрепляющим репрессивные тенденции капиталистического общества фрейд-марксизмом, но базируется она при этом на некоторых концептах и предпосылках Зигмунда Фрейда и Карла Маркса. В книге описан метод высвобождения бессознательного, который составил вместе с некоторыми марксистскими идеями новую концепцию свободного существования человека, чей творческий потенциал не ограничивается какими бы то ни было внешними и внутренними факторами. Делез и Гваттари переносят инструментарий фрейдизма из семейных отношений в отношения социальные: Эдипов комплекс стал для авторов олицетворением репрессивного духа буржуазных семейных отношений и символизирующего столь же репрессивную идеологию капитализма – психоанализ, как и капитализм, способствует угнетению человека и его отчуждению. Все негативные проявления концепции Фрейда, предположительно, объясняются для Делеза и Гваттари тем, что психоанализ базируется на иллюзорной предпосылке, согласно которой все уровни сознания, пусть и при определенном посредничестве знаков и символов, прозрачны для своего субъекта и, как следствие, могут быть в общих категориях описаны в виде завершенной и тотальной системы. К тому же психика человек в целом, с точки зрения психоанализа, как его понимают французские философы, представляет собой иерархизированную систему с сознанием в своем центре.

В «Анти-Эдипе» же концепция человека предстает принципиально иной: примечательно, что человек и природа осмысляются здесь в терминах технических и экономических: ма-

шина, механизм, производство, прибавочная стоимость и т.п. Человеческое тело состоит из желающих машин (машина-ухо, машина-рот и т.д.), и каждая машина осмысляет, «перерабатывает» реальность в своих терминах: например, для машины-глаза все есть «видение», «смотрение», «наблюдение» и т.п. Важно здесь также, что ни одна из этих машин не является главенствующей, центральной. Даже психика, разум или сознание – одни из многих машин в ряду им подобных.

Очевидно, специфическую машиноподобную телесность у Делеза и Гваттари в этом случае не следует понимать буквально. Во-первых, «машина желания» – это концепция Человека, разработанная французскими философами на основе специфической рецепции и синтеза концептов Фрейда и Маркса. Во-вторых, эту «машинность» представляется возможным интерпретировать в том числе как метафору ограниченности «духовной» свободы. Ограниченности этой способствуют, среди прочего, пред-заданность мыслительных схем, используемых познающим субъектом, или насильственное влияние, которое оказывает эстетическая и аксиологическая традиция на процесс принятия решений, наконец, свободу ограничивает слепая вера человека в те смыслы, что легитимизирует (капиталистическая) культура и общество путем аксиоматизации кодированных потоков на своем «теле» [3, с. 282].

В качестве ответа на это проблематичное положение вещей можно предложить одну из возможных трактовок введенного Делезом и Гваттари концепта «тела без органов» (фр. *corps sans organes*) – тела, ставшего продуктом отчуждения социального производства, тела, где потоки вытесненного желания не обременены навязанной организованностью. Тело без органов есть семантическая структура, лишенная центра, и поэтому обладающая неограниченными внутренними возможностями для порождения смысла.

Для дальнейшего прояснения этого концепта обратимся к работе Фридриха Ницше «К генеалогии морали» [6, с. 293–294], в которой представлены схожие рассуждения. Согласно Ницше, «история всякой “вещи”, органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям». Можно сказать, что сложившаяся функциональность того или иного телесного органа представляет собой резуль-

тат – в случае философии Ницше – иррационального действия Воли к власти. «Смысл» того, что Делез и Гваттари имеют в виду под «органами», случаен, ситуативен и подвижен, он определяется лишь в процессе означивания.

Тело без органов, свободное, хаотичное, неиерархичное, децентрированное, избегающее принудительных предопределений и предписаний противопоставляется организму как устойчивой, но репрессивной структуре, детерминированной своей сущностью или субстанцией или рядом платоновских идей и т.п. Вероятно, тело без органов, в делезовских категориях, можно назвать чистой виртуальностью [2], местом актуализации машин органов, желающих машин. Это пространство полной свободы самореализации без предопределенностей и предписаний.

Тело без органов, по признанию авторов, не является понятием или концептом, но должно пониматься в качестве совокупности практик освобождения, основанных на идее радикальной свободы, которая идет так далеко, что отказывается от любых фактов подчинения.

Перейдем к следующему ключевому пункту стратегии освобождения Делеза и Гваттари. Отталкиваясь от понятия либидо, сексуальной энергии, к которой во фрейдизме можно редуцировать любые аспекты поведения человека, французские философы предлагают поставить «желающее производство» (фр. *production désirante*) на место бессознательного, что необходимо ввиду того, что последнее является, по их мнению, пусть и продуктивным инструментом аналитики опыта субъекта, но наделяющим символический план сознания избыточной ролью и ошибочно рассматривающим бессознательное как сферу чистых означаемых. Фрейдизм, отсюда, метафизичен: «бессознательное как завод было заменено неким античным театром; производственные единицы бессознательного были заменены представлением» [3, с. 46]. Концепцию «желающего производства» Делез и Гваттари выводят из специфического понимания желания, которое здесь выступает не как стремление восполнить нехватку, но как физический и механический процесс, поток, энергия, питающая человека как «машину желания». Если поместить «желание» Делеза-Гваттари в координаты триады Лакана (воображаемое-символическое-реальное), то оно станет своего рода базисом для всех ее элементов: как пишет А.А. Грицанов, «основой

всех природных и социальных связей индивида выступают, с точки зрения шизоанализа, импульсы сексуального происхождения... Не символический строй вещей подчиняет себе сексуальность, желания и реальное, а, напротив, он сам в пределе своем, согласно шизоанализу, функция сексуальности как циклического самодвижения посредством активности бессознательного» [1, с. 215].

Желание вообще имеет своим атрибутом высочайший производственный потенциал, оно есть сила, которая конструирует индивида, побуждает его к формированию и определению самого себя. Можно было бы предположить, что в терминах семиотики желание Делеза-Гваттари было бы совокупностью одновременно означаемых и маскирующихся означающих структуры сознания, все из которых располагается в одной плоскости. Помимо этого, очевидно, для французских философов важно заменить статичную символическую структуру бессознательного Фрейда процессуальным бессознательным, находящимся в постоянном становлении, и отсюда, в том числе, само слово «производство». Также с помощью концепта Делеза и Гваттари, с одной стороны, представляется возможным описать как все побудительные причины (действовать тем или иным образом человека заставляет желающее производство), так и все, что называют подлинно человеческим в человеке (человек является таким, какой он есть, по причине непрерывного действия в нем желающего производства), с другой – становясь субъектом желания, отдаваясь ему, человек обретает свободу по отношению не только к внешней среде, но и к собственной природе (и это возвращает нас к телу без органов).

Как представляется, у Делеза и Гваттари скрывающийся и навязанный извне – порой даже из сферы метафизического – долг, созвучный с императивной моралью, противопоставляется свободному раскрепощающему желанию, исходящему из самого себя, материальному, телесному. Авторы пишут: «Революционеры часто забывают или не хотят признавать, что революцию хотят и делают из желания, а не из долга» [3, с. 543].

Продолжая свою программу критики психоанализа, Делез и Гваттари переосмысливают его как целое и предлагают взамен «шизоанализ», который «ставит себе задачу разобрать выразительное эдипово бессознательное – всегда искусственное, репрессивное и подавленное,

опосредованное семьей, – дабы достичь непосредственного производящего бессознательно» [3, с. 158], бессознательного, которое «не знает лиц, систем и законов; образов, структур и символов. Оно – сиротское, а также анархистское и атеистское» [3, с. 489], то есть свободное от символической фигуры родителя, от структур власти и от идеи Бога. Шизоанализ призван работать уже не с сознанием как знаковой системой со строгой референцией (четким соответствием означающих в поведении или снах человека означаемым в бессознательном), а с желающим производством как аструктурным, не подчиненным неким метафизическим субстанциям процессом «инвестиции» энергии (понимаемой не в эзотерическом, а в техническом смысле) в различные формы деятельности человека. Эта энергия связывается с либидо (а последнее, как уже было отмечено, с желанием) и направляется к одному из двух полюсов, неразрывно связанных в «Анти-Эдипе» психики и социума – к полюсам шизофренического и паранойяльного. Их, разумеется, также следует трактовать не в клиническом, а в метафорическом ключе.

Исходя из ценностных ориентиров Делеза и Гваттари, паранойю следует расценивать как негативное начало, шизофрению же – как позитивное. Как пишут Делез и Гваттари, паранойяльный полюс подчиняет, поработывает производство и желающие машины, используя определенную властную идеологию (будучи при этом, в определенном смысле, ее частью), он осуществляет «отбор суверенности», в то время как шизоидному полюсу свойственно «инвертированное подчинение и перевертывание власти». Один полюс определяется «молярными и структурированными системами, которые уничтожают сингулярности, отбирают их и регулируют те из них, которые остаются в кодах или в аксиоматиках», другой – «молекулярными множественностями сингулярностей», он выходит из-под контроля кодов и аксиоматик. Первый оперирует «линиями интеграции и территоризации, которые останавливают потоки... поворачивают их вспять или перекраивают их в соответствии с внутренними пределами системы», второй оперирует «линиями ускользания, по которым направляются раскодированные и детерриторизованные потоки, изобретая свои собственные нефигуративные срезы... которые производят новые потоки, всегда преодолевая стену кода или территориальный предел, кото-

рые отделяют их от желающего производства» [3, с. 577]. Согласно выводу А.А. Грицанова, «если “паранойя” предполагает акцентуацию общего, универсального, т.е. инвариантной нормативности, то “шизофрения” акцентирует неповторимое, индивидуальное, спонтанное и “незакодированное”, т.е. не следующее общеобязательной матрице» [1, с. 228–229]. Таким образом, параноидальное порождает тотальности, базируясь на репрезентативной концепции знака, оно создает видимость жизни, симулирует ее, подчиняет мировоззрение псевдо-истинным идеям и ценностям. Шизофреническое же утверждает фрагментированные, раздробленные множественности смыслов, оно возможно только при свободной, продуктивно-хаотической ориентации индивида внутри систем кодов или дискурсов. «Шизофреник» Делеза и Гваттари – это попытка создания концепции новой, идеальной в определенном смысле, человечности. Попытка, которая по своей интенции, пафосу и ценностным ориентирам, как представляется, весьма схожа с проектом «сверх-человека» Фридриха Ницше.

Переводя паранойяльное и шизофреническое в область социального и политического, Делез и Гваттари пишут: «Один тип – оседлый и дву-однозначивающий, тип реакционной или фашистской тенденции, а другой – кочевой и многозначный, тип революционной тенденции» [3, с. 536]. С учетом того тождества, которое проводят авторы «Анти-Эдипа» между социальным производством и производством желаний, можно говорить о том, что параноик производит несвободу и желает этой несвободы, в то время как шизофреник есть подлинно свободный индивид, внутренне и внешне, «он просто перестал бояться, что станет безумным» [3, с. 208]. Как мы знаем из Фуко, сумасшествие является историческим конструктом, оно носит конвенциональный характер, а шизофреник осознал этой преходящий характер безумия, он готов разрывать конвенции, свободно проявлять свое «безумие», которое предстает главной освободительной и революционной силой. «Шизофреник удерживается на пределе капитализма: он является его развитой тенденцией, прибавочным продуктом, пролетарием и ангелом-истребителем» [3, с. 61], то есть шизофреник призван разрушить капиталистическую систему, являясь ее же порождением.

Безусловно, модель или концепцию шизофреники, представленную в «Анти-Эдипе», воз-

можно применить и к анализу природы художественного творчества. Можно сказать, что капитализм кодирует и территориализует искусство только как товар, в то время как шизофреник создает и воспринимает искусство в процессе желающего производства. К тому же художественное творчество нередко (по крайней мере, с наступлением эпохи романтизма) в той или иной форме связывается с безумием – тяготеющим к иррациональности способом интеллектуального производства, своего рода практикой шаманизма в культуре, которая преодолела мифологический этап своего становления. Здесь подлинный художник представляется маргиналом, находящимся на грани сумасшествия, свободным от рамок шизофреником, «не таким как все», исключительным творцом среди «серой массы» общества параноиков. Он «смешивает все коды, он несет раскодированные потоки желания» [3, с. 61]. Для него творчество становится радикальным актом отрицания нормативных и стандартизирующих конструктов, в том числе – исторических конструктов разумности.

Итак, шизоанализ, рассматривающий бессознательное по аналогии с производством, приоритизирующий шизофрению в противовес параною, по задумке авторов станет теоретической базой для новой стратегии осмысления опыта человека и практикой его, человека, освобождения.

Нельзя не отметить, что «Анти-Эдипа» следует прочитывать и в качестве критики самой идеи государства в духе Кропоткина и Бакунина. Идеи, представленные в этой книге, ложатся в общее русло лево-анархических течений, популярных во Франции в 1960-х – 1970-х гг. Причину тлетворности государства Делез и Гваттари усматривают в эдиповом комплексе, который оказал влияние на формирование не только современной итерации сознания, но и капиталистического государства. Претензии к фигуре Эдипа со стороны французских авторов сводятся во многом к следующему обстоятельству: эдипов комплекс предстает объяснением самого генезиса желания у Фрейда, которому, вероятно, удалось зафиксировать интегральный принцип, формирующий западную цивилизацию. Посредством эдипова комплекса любые либидинальные инвестиции, например, сексуальное желание, сопрягаются с табуированным сексуальным влечением к матери, словно бы имеют в последнем свою косвенную причину.

Таким образом, эдипов комплекс – это для Делеза и Гваттари символ тотального внутреннего подавления, которое государство – путем переноса из психологического поля в социальное – трансформирует во внешние, выгодные себе законодательные подавления свободы. Властным структурам нужно, «чтобы желание, завершив свою миграцию» от человека к государству и обратно, «познало свою предельную нищету, которая в том, что оно обернется против себя» [3, с. 341]. Государство есть машина подавления, и ему нужно, чтобы человек возжелал не желать [3, с. 349].

Как указывает Д.Б. Поляков со ссылкой на теоретика постанархизма С. Ньюмена, «“желание” Делеза-Гваттари родственно эссенциалистским понятиям нравственности и рациональности классического анархизма» [7, с. 142], а положение, вызванное угнетением желания, «возрождает оппозицию власти и сопротивления» [7, с. 143]. Структурную роль сопротивления на себя здесь берут шизофреники – «раскодированные потоки», которые «освобождаются от классовой аксиоматики на полном теле государства», которые «освобождаются от деспотического означаемого», которые «начинают течь по полному телу без органов» [3, с. 402]. Разница между параноиками, интегрированными в порождения власти и наслаждающимися ими, и шизофрениками – это разница между «слугами машины и теми, кто ее взрывает или подрывает ее механизм», между «режимом общественной машины и режимом желающих машин» [3, с. 402].

Делез и Гваттари ставят в качестве одной из задач шизоанализа «бессознательную революцию». По мысли философов, бессознательному необходимо дать возможность свободно себя конституировать в процессе производства желания, его необходимо освободить от параноидальных ограничений, от социальных факторов подавления и импозирования смысла, которые несет в себе семья, а также социальные и государственные институты. Бессознательная революция отсылает в «социусе к режиму желающего производства как к власти, опрокинутой на тело без органов» [3, с. 547] – она предваряет переосмысление самого общества на основе идей шизоанализа.

Продолжая аналогии с идеями теоретиков анархизма, пожалуй, уместно было бы отметить, что «анархизм» Делеза и Гваттари отстранился бы от анархо-коммунизма П.А. Кропот-

кина и социального анархизма М.А. Бакунина. Политическую трактовку шизоанализа я бы сравнил с индивидуалистическим анархизмом в духе М. Штирнера, в котором, как отмечает Д.С. Хаустов, «моей отделенной от мира телесности как базису моего индивидуального бытия нет дела до кем-то придуманного человечества. Нет дела до бога, до мира, до некоторого Единого» [8, с. 12]. Иными словами, здесь утверждается отказ от конструкторов социальных, религиозных, духовных, онтологических, метафизических в пользу индивидуального означивания или, как сказали бы Делез и Гваттари, «молекулярного» желаемого производства (категория индивида для них есть продукт власти), которое, инвестируя энергию в молекулярный уровень множественности желаний, и должно привести к бессознательной революции.

Призыв Делеза и Гваттари к бессознательной революции можно трактовать и как свойственный всей философии постструктурализма призыв к радикальному переосмыслению рациональности как таковой, потому как последняя не является порождением априорных структур человеческого мышления, она есть лишь исторический конструкт, лишь одна из возможных формаций рациональности на бесконечном теле без органов, она переживает кризис и должна быть отвергнута, что может быть достигнуто путем ее подрыва с позиций иррациональной сферы бессознательного (в терминологии «Анти-Эдипа» это – «предсознательная революция»).

Итак, можно заключить, что для Делеза и Гваттари свобода – это позитивный хаос в противовес репрессивному порядку. Производство желания в раскодированных потоках – цель и средство свободы. Последняя проявляет себя как возможность записи личных смыслов на теле без органов в отсутствие репрессивного внешнего обусловливания.

В заключение я приведу выдержки из предисловия к американскому изданию «Анти-Эдипа», написанного М. Фуко, который как нельзя лучше характеризует эту книгу. По словам Фуко, она представляет собой «введение в нефашистскую жизнь». И имеется здесь в виду «не только исторический фашизм Гитлера или Муссолини, но также и фашизм, который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, – фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно то, что господствует над нами и эксплуатиру-

ет нас». Этот текст, согласно Фуко, говорит об «искусстве жизни, противоположном всем формам фашизма». Вот некоторые принципы, на которых, по мысли Фуко, базируется «Анти-Эдип»:

– «Освободите политическое действие от любой формы тотализирующей или объединительной паранойи»;

– «Развивайте мысль, действие и желания посредством пролиферации, взаимоналожения и разъединения, а не посредством разделения на части и пирамидальной иерархизации»;

– «Освободитесь от доверия к старым категориям Негативного (Закона, предела и т.д.), столь часто сакрализованной западной мыслью в качества формы власти и доступа к реальности. Отдавайте предпочтение позитивному и множественному, различие предпочитайте однообразному, поток – единствам, подвижные сборки – системам»;

– «Не влюбляйтесь во власть» [3, с. 8–10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грицанов А.А. Жиль Делез. Минск: Книжный Дом, 2008.
2. Делез Ж. Актуальное и виртуальное. URL: http://www.philosof.onu.edu.ua/elb/articles/bogataya/bogataya_3.pdf
3. Делез Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
4. Дьяков А.В. Жиль Делез. Философия различия. СПб.: Алетейя, 2012.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. Т. 5. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». М.: Культурная революция, 2012.
7. Поляков Д.Б. Постанархизм. Субъект в пространстве власти. Чита: ЗаБИЖТ, 2019.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. М.: Рипол-Классик, 2019.

REFERENCES

1. Gritsanov, A.A., 2008. Zhil' Delyoz [Gilles Deleuze]. Minsk: Knizhnyi Dom. (in Russ.)
2. Deleuze, G. Aktual'noe i virtual'noe [Actual and virtual]. URL: http://www.philosof.onu.edu.ua/elb/articles/bogataya/bogataya_3.pdf (in Russ.)
3. Deleuze, G. and Guattari, F., 2007. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya [Anti-Oedipus:

capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (in Russ.)

4. D'yakov, A.V., 2012. Zhil' Delyoz. Filosofiya razlichiya [Gilles Deleuze. Philosophy of difference]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

5. Il'in, I.P., 1996. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moskva: Intrada. (in Russ.)

6. Nietzsche, F., 2012. Polnoe sobranie sochinenii: v 13-ti t. T. 5. Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchai «Vagner» [Complete

works: in 13 volumes. Vol. 5. Beyond good and evil. On the genealogy of morality. The case of Wagner]. Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya. (in Russ.)

7. Polyakov, D.B., 2019. Postanarkhizm. Sub'ekt v prostranstve vlasti [Postanarchism. Subject in the space of power]. Chita: ZabIZhT. (in Russ.)

8. Stirner, M., 2019. Edinstvennyi i ego sobstvennost' [The ego and its own]. Moskva: Ripol-Klassik. (in Russ.)

